

ОДНИМ МИРО МАЗАНЫ

Известия - 2004.
- 2 июня, с. 9.

№ 100 (26657) ИЗВЕСТИЯ

АННА МАТВЕЕВА | Санкт-Петербург

В Русском музее в Петербурге открылась выставка классика сюрреализма Хуана Миро. На ней представлены 88 работ из коллекции Фонда Маэт, Ницца.

Наверное, какие-то подводные течения и подковерные интриги предшествовали открытию выставки Миро в Петербурге. С ней, этой выставкой, все как-то не так. С самого начала странноватым для выставки испанского сюрреалиста кажется место, где она состоялась, — Русский музей, чьей вотчиной вообще-то является отечественное искусство. Некогда существовало почти официальное разделение обязанностей между двумя главными питерскими музеями: Русский музей занимается русским искусством, Эрмитаж всем остальным. Ныне границы разрушены, а музейщики, видимо, сошлись во мнениях, что язык искусства интернационален и происхождение говорящих на нем не имеет принципиального значения.

Но еще более загадочной выглядит сама выставка. На первый взгляд на ней представлено то, чем Миро, собственно, и заслужил всемирную славу, — обильный и яркий сюрреализм. Графика, почти беспредметная, напоминающая детские рисунки (рисунками детей восхищались все без исключения сюрреалисты как чистым творчеством, еще не загнанным в рамки школы и традиции). Всего несколько картин маслом, но зато со всеми признаками «классического Миро» — яркими цветовыми пятнами и сложными геометрическими фигурами, сквозь которые прорастают прямые и изогнутые линии. Очень много скульптур из бронзы — патинированной или раскрашенной, скульптур тоже почти абстрактных. А если автор и использовал узнаваемые элементы, то они никоим образом не соответствуют названию (например, скульптура «Женщина с птицей» представляет собой сложную бронзовую раму, на которой там и сям прикреплены слепки с разнообразных дамских туфель).

В общем, выставка представляет собой бьющий фонтаном «сюр», а само творчество Миро — образцовый сюрреализм, наглядное воплощение всех принципов художественного движения, которое стало лицом европейского искусства 20–30-х годов XX века. Среди этих принципов — отказ от традиционной образности, стремление освободить творческую энергию от оков рассудка, вытекающий из этого стремления интерес ко всем маргинальным формам

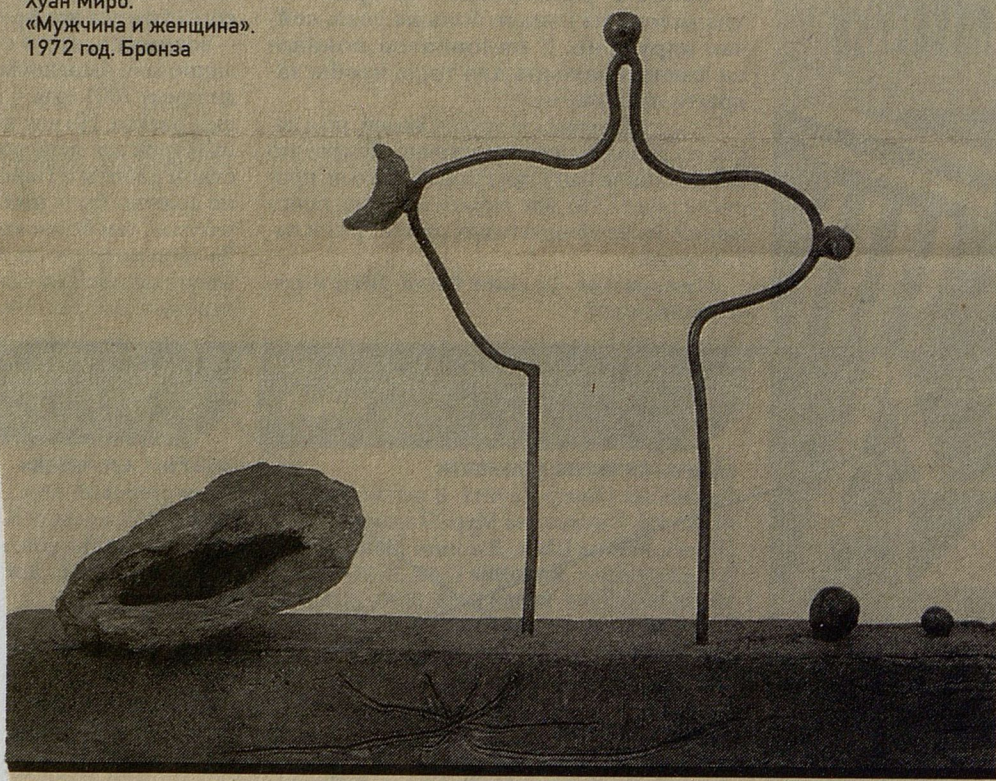
творчества — рисункам детей, автоматическим письму и рисованию, искусству первобытных народов.

Однако благодать, каковой должен причаститься любитель сюрреализма в Русском музее, становится подозрительной, стоит взглянуть на дату создания выставленных работ. Эпоха сюрреализма, а с ней и пик славы Миро пришлись на 1920–1930-е годы. В эти годы Миро создал холсты и скульптуры, сделавшие его классиком сюрреализма. Однако на выставке нет ни одной работы тех лет. Все они датируются 1960–1970-ми годами! Годами, когда сюрреализм давно уже стал достоянием истории.

Сюрреализм как актуальное течение в искусстве не пережил Второй мировой войны. Он был убит гитлеровцами: после Освенцима стало невозможно говорить о вершинах познания духа, ведь само слово «дух» использовалось даже самыми утонченными нацистскими идеологами для оправдания попыток и массовых убийств. Сюрреализм был убит, но остались живы сюрреалисты. Кто-то из них попытался влиться в новые художественные течения. Большинство же, как Миро, предпочли выжать все из заработанной до войны славы — и воспроизводить, бесконечно воспроизводить самих себя.

Продукты такого воспроизводства мы и видим в Русском музее. Еще ими можно полюбоваться в Гарвардском университете, который украшают монументальные панно бывшего бунтаря, в барселонском аэропорту и еще нескольких не менее официозных местах. Миро до конца жизни — а умер он в 1983 году в Пальма-де-Мальорке знаменитым и дорогим художником — честно делал ремейки самого себя. Но эти работы были уже не вызовом обществу и самому искусству, а коммерчески беспроектным товаром. Это чувствуется, это ощущение рождает всего лишь крохотная деталь — дата на этикетке, лет на тридцать не соответствующая стилистике картины или скульптуры. И не совсем понятно, как к этому ощущению относиться. С одной стороны, работы все равно очень хорошие. И для российского зрителя, который мало видел сюрреализма «живьем», выставка Миро очень важна — она дает возможность воочию ощутить пластику сюрреалистов, их веселое безумие и метафизические бездны. С другой — не отделаться от мысли, что мы присутствуем на выставке копий. Сделанных великим художником копий самого себя — точно повторяющих оригинал, но утративших магическую силу и бунтарскую энергию за давностью лет.

Хуан Миро.
«Мужчина и женщина».
1972 год. Бронза

269